

своего друга, и интерес к жизни высших классов вообще...

Толстой, вообще, был очень аристократичен. В его манерах, отличавшихся благородной простотой и изяществом, в осанке, обращении и т. д. это отмечали многие. То лучшее, что он мог взять от своих отцов, он взял.

Но едва ли все знают, что даже в старости Лев Николаевич был доступен влиянию сословных предрассудков. Так, со слов одного близкого к дому лица, я знаю, что когда у молодых дочерей Льва Николаевича случались «романы» (невинные, конечно) с людьми «не нашего», низшего круга, — Лев Николаевич, узнавая об этом, бывал очень огорчен и недоволен. Он и вообще огорчался за «романы», но боязнь мезальянса для дочери жила в нем сама по себе.

Лев Николаевич рассуждал как-то о том, что сны психологически верно отражают характеры людей, и для иллюстрации рассказал тот сон, который приснился ему в минувшую ночь, а именно: он видел Диму Черткова (18-летнего сына Владимира Григорьевича), который «барабанил на рояли какую-то глупейшую и пустейшую пьесу».

Лев Николаевич смеялся, рассказывая этот сон, но я все-таки не занес его в дневник, боясь обидеть Диму Черткова.

Теперь он вырос. Пусть не сердится на меня.

Однажды я чуть было не сделался обладателем поддевки «с плеча Льва Николаевича».

Осенью 1910 г. я сам собрался завести теплую